

Г.П. Гвоздева, Н.М. Арсентьева, И.И. Харченко

Риски снижения человеческого потенциала сибирских регионов¹

УДК 316.4

Аннотация. На основе анализа статистической информации, результатов социологических опросов населения сделан вывод о нарастании рисков снижения человеческого потенциала сибирских регионов в последнее десятилетие. Риски сопряжены с низкими доходами и малодетностью семей, убылью населения и дефицитом кадров, слабой мотивацией работать по полученной специальности (профессии) по диплому, снижением продолжительности здоровой жизни. В этой ситуации сохраняется общероссийский вектор миграции с востока на запад и с севера на юг. Главными источниками рисков являются неэффективность регионального управления и контраст между ростом валового регионального продукта и сокращением реальных доходов населения. Снизить их могут меры по привлечению инвестиций в основной и человеческий капитал, в развитие наукоёмкой экономики, повышение оплаты труда квалифицированных работников. Для усиления мотивации молодежи на инженерные профессии и высококвалифицированный труд требуются институциональные изменения на рынке труда.

Ключевые слова: развитие человеческого потенциала; человеческий капитал; социальные риски; этапы жизненного цикла; мотивация деятельности; Сибирь

Постановка проблемы

В мире отмечается рост социальной напряженности и социальных рисков. Причем, по мнению ученых, восприятие последних стало более острым и затрагивает каждого человека [Бек, 2000. С. 81; Ord, 2020; UNDP, 2020. P. 106–111].

Социальные риски в научном дискурсе рассматриваются в двух основных направлениях: как продуцированные действиями человека в системе «общество-природная и техносреда» и формирующиеся в социальной, культурной, политической среде. Относящиеся ко второму типу значительно менее изучены,

¹ Работа выполнена в рамках проекта государственного задания 5.2.1.3. (0260–2021–0001) «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», регистрационный номер НИОКТР № 121040100280–1

Авторы выражают благодарность участникам проекта С. Ю. Дуткиной и Е.А. Мальневой за проведение части расчетов и построение рисунков.

например, неясно, к чему может привести борьба за становление многополярного мира. Последствия будут долговременными и могут особенно сильно и непредсказуемо отразиться на социально-экономических связях, благосостоянии и даже на возможности выживания. Как отмечает М. Рыбакова, «сегодня их влияние на общество крайне велико, так как во многом их нарастание зависит от характера отношений в обществе. От их формы выражения зависит характеристика жизнедеятельности не только конкретных людей, социальных групп, но и всего общества и государства в целом, его местоположения в современном глобальном пространстве» [Рыбакова, 2018. С. 186].

Из множества индикаторов социальных рисков чаще всего выделяют снижение качества жизни, рост социальной напряженности, социальную неопределенность и вынужденную миграцию. Их отслеживание и анализ необходимы для того, чтобы корректировать стратегию развития общества, устранять существующие дисбалансы [Елфимов, 2010. С. 55–57]. В России, по мнению Е. Слуцкого, основной дисбаланс связан с «выраженными противоречиями между огромными потенциалами, которыми располагает страна – территориальным, природно-ресурсным, экологическим, энергетическим, – и ее относительно низким человеческим (в т.ч. трудовым) потенциалом» [Слуцкий, 2002. С. 42].

Кризисные явления в экономике и эпидемия COVID-19 привели к спаду динамики в человеческом развитии. Для оценки этого процесса, с одной стороны, обычно используется трехкомпонентный индекс человеческого развития [UNDP, 2020. P. 277–280], характеризующий *потенциальные возможности*, зависящие от достижений в долголетию, образованности и благосостоянии населения. А с другой – применяют стоимостные оценки человеческого капитала (ЧК), отражающие *реализацию этих возможностей*, отдачу, зависящую от количества и качества затрачиваемого труда.

Рост возможностей для развития замедлился: если в период с 1990 по 2000 гг. среднегодовой темп прироста индекса человеческого развития составлял 0,71%, а в 2001–2010 гг. – 0,78%, то в декаду с 2011 по 2021 гг. – опустился до 0,45%. Причем первые за 30 лет этот показатель *снизился для всего мира* (рассчитано для 191 страны). За два последних года (2020–2021) снижение

составило в среднем 0,67%. В России в 2021 г. по сравнению с 2019 г. этот показатель снизился на 2,7% (в США – на 1%), что было обусловлено как сокращением ожидаемой продолжительности жизни, так и наращиванием экономических санкций со стороны недружественных государств [UNDP, 2022. С. 277–280].

Проблема заключается, с одной стороны, в сокращении потенциальных возможностей для развития при низкой производительности труда, что приводит к обесцениванию человеческого капитала в России [Слепенкова, 2022], а, с другой стороны, в отсутствии заинтересованности политиков и управленческих кадров в выработке и реализации эффективных мер по его формированию. Осложняет поиск практических решений этой проблемы и тот факт, что отдача от ресурсных вложений, направленных на повышение человеческого капитала, может быть получена со значительным лагом во времени, а в условиях резко возросшей экономической, экологической, политической турбулентности мало кто из политиков готов принимать на себя долгосрочные обязательства. Между тем именно учет долгосрочных рисков развития Сибири будет иметь решающее значение при усилении восточного вектора развития РФ.

Задача авторов данной статьи – показать риски снижения человеческого потенциала сибирских регионов и выявить возможные причины их устойчивости.

Для оценки указанных рисков будет применяться международная методология (Программа развития ООН, Всемирный банк). В соответствии с ней человеческий капитал (ЧК) стран и регионов измеряют в трех контекстах: во-первых, с точки зрения потенциальных возможностей развития (индекс человеческого развития, HDI), во-вторых, в терминах полноты использования ЧК на рынке труда (индекс использования ЧК, UHCI), в-третьих, с точки зрения ожидаемых возможностей и рисков использования в будущем ЧК вновь родившегося поколения (индекс человеческого капитала, HCI) [UNDP, 2020].

Мы дадим оценку рисков применительно к населению сибирских регионов, опираясь на основные компоненты индекса человеческого развития и имея в виду ожидаемую эффективность развития в будущем, зависящую от сложившихся тенденций и событий последних лет. Для этого учитываются накопление ЧК и риски его снижения на всех этапах жизненного цикла

поколения, которые могут в будущем сократить возможности сегодняшних детей. При этом использован подход П. Коррал и Р. Гэтти, описавших основные показатели накопления и утраты человеческого капитала в форме здоровья, знаний и трудовых навыков на протяжении жизни: в младенчестве и дошкольном возрасте, в период получения общего и профессионального образования, в годы активной деятельности на рынке труда, а также после завершения трудовой карьеры [Corral, Gatti, 2020; World Bank, 2020. P. 87].

В качестве информационной базы используются данные государственной и международной статистики и результаты проведенных ИЭОПП СО РАН опросов населения Новосибирской области, 2018–2022 гг. (координатор - И.И. Харченко).

Риски снижения человеческого капитала до трудоспособного возраста: малодетность семей и низкие доходы

Для понимания данного типа рисков человеческого капитала важно учитывать режим воспроизводства населения и наличие условий безопасной и достойной жизни детей и их родителей. На сегодняшний день условия для вынашивания и рождения детей в России можно считать вполне достойными. Коэффициент младенческой смертности с 2005 по 2021 гг. снизился в 2,4 раза: в целом по РФ – с 11 до 4,6 промилле, а по Сибирскому федеральному округу (СФО) – с 12,3 до 5,1². По таким показателям, как материнская смертность (на 100 тыс. живорождений) и коэффициент рождаемости у подростков 15–19 лет (на 1 тыс. человек), РФ выглядит лучше некоторых развитых стран. Так, в России эти показатели в 2022 г. составили 17 и 15 случаев соответственно, тогда как в США – 19 и 16 случаев, в Турции – 17 и 17, а, к примеру, в Аргентине – 39 и 39 случаев [UNDP, 2022. С. 291].

Так как в большинстве семей детей мало, практически отсутствуют риски недоедания среди матерей, повышенной смертности детей младшего возраста, недоедания в младенческом

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 73–74.

возрасте и задержки их развития. Традиционно распространена родственная помощь.

В последние два года государством много сделано для материальной поддержки семей с детьми, введены существенные пособия на дошкольников и школьников в малообеспеченных семьях. Но есть проблемы, связанные с недостатком детских дошкольных учреждений, обеспечивающих раннее (до трех лет) развитие способностей детей.

К числу основных рисков снижения ЧК на данном этапе относятся низкий уровень рождаемости и – для регионов Сибири – отрицательное сальдо миграции, приводящие к депопуляции. Это в немалой степени обусловлено отсутствием мотивации к многодетности семей и относительно низким уровнем реальных доходов населения.

За период между двумя всероссийскими переписями – с 2010 по 2021 гг. – население России выросло на 1,9% и составило 145,6 млн человек. За счет роста численности населения человеческий потенциал увеличился в 28 регионах России, и в наибольшей степени – в столичных субъектах РФ, в Краснодарском крае и на Северном Кавказе, где заметно росли доходы.

К сожалению, Сибирь, Дальний Восток и Приволжский федеральный округ в рассматриваемое десятилетие продолжили терять население (таблица). Люди уезжают в первую очередь из тех регионов, где низок уровень реальных доходов, где они сокращались или не росли в последнее десятилетие (в СФО это Кемеровская, Омская и Иркутская области). Реальные доходы в Сибири на четверть ниже, чем в среднем по России, причем, в республиках Тыва и Алтай, Алтайском крае доходы остаются низкими длительное время. Согласно классификации регионов по уровню доходов, предложенной К.П. Глущенко [Глущенко, 2022. С. 173], в СФО 4 региона из 10 (все республики и Алтайский край) относятся к числу регионов с «чрезвычайно низкими» и «очень низкими доходами», и нет ни одного хотя бы со среднероссийскими показателями.

**Изменение численности населения, денежных доходов и объемы инвестиций
в основной капитал в регионах России в 2010–2021 гг.**

Федеральный округ и субъект РФ	Темп прироста численности населения за 2010–2021 гг., %	Среднедушевые денежные доходы в месяц в 2021 г., тыс. руб.	Темп прироста денежных доходов на душу населения за 2010–2021 гг., %	Среднегодовые инвестиции в основной капитал на 1 занятого за 2014–2019, тыс. руб.
Центральный (ЦФО)	5	54,7	10	202,9
Северо-Западный (СЗФО)	3	44,5	19	249,9
Южный (ЮФО)	3	35,0	30	184,6
Северо-Кавказский (СКФО)	8	26,8	21	135,6
Приволжский (ПФО)	-4	31,3	3	177,8
Уральский (УФО)	0	40,2	-7	421,3
Дальневосточный (ДФФО)	-5	42,5	16	303,6
Сибирский (СФО)	-3	30,8	2	183,6
В том числе Республика Алтай	5	23,8	15	123,9
Республика Тыва	5	20,6	-1	135,9
Республика Хакасия	-2	26,1	21	135,7
Алтайский край	-9	26,0	14	91,0
Красноярский край	-2	36,1	2	290,1
Иркутская область	-6	30,3	-10	241,2
Кемеровская область	-8	28,0	-11	182,1
Новосибирская область	5	35,3	13	141,1
Омская область	-7	30,0	2	123,9
Томская область	2	31,0	-2	206,3

Источник. Рассчитано авторами по данным Росстата (Регионы России за 2011–2021 гг.).

Примечательно, что снижение доходов происходит на фоне роста валового регионального продукта (ВРП). Последний увеличился в СФО в целом на 14% с 2010 по 2020 гг., тогда как доходы населения почти не выросли, а с 2014 г. даже сократились. Еще контрастнее выглядит картина при рассмотрении отдельных регионов (табл. 1). В Иркутской области прирост ВРП составил 33%, а доходы упали на 10%. Рост доходов в Новосибирской области и в Республике Алтай на 13–15% был обеспечен ростом ВРП на 24–28%. Кемеровская область единственная в СФО сократила ВРП на 8%, а доходы населения здесь упали на 11%.

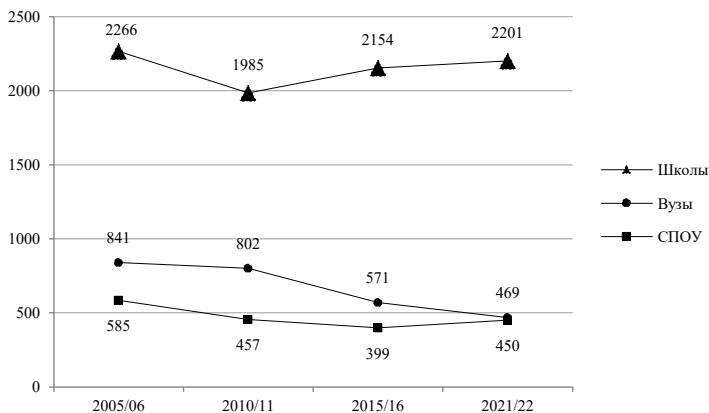
Неудивительно, что большинство регионов теряют население. Сберегают его лишь Новосибирская и Томская области (научно-образовательные и промышленные регионы), а также Республики Алтай и Тыва, где небольшой прирост жителей поддерживается традиционно более высокой рождаемостью³.

Для развития Сибири нужны более высокие темпы роста и производства, и, безусловно – благосостояния. Мы согласны с А. Г. Аганбегяном, который считает, что в первую очередь необходим «переход к форсированному росту инвестиций в основной и человеческий капитал». В настоящее время доля последних в ВВП России составляет всего около 31%, тогда как в странах ЕС – 50%, в США – 58%, а в Китае – 65%. А инвестиции эти (особенно в Сибири) нужно «использовать главным образом для технологического рывка и эффективной перестройки структуры экономики», для профессиональной подготовки рабочих и инженеров и для повышения зарплат [Аганбегян, 2022. С. 8–11].

Риски в период получения образования

Знания в обществе накапливаются при большом охвате населения учебой, желании их усвоить. Важные факторы риска снижения ЧК на данном этапе – уменьшение доли молодежи в населении, а также числа учащихся (рис. 1), в том числе студентов вузов и средних профессиональных образовательных учреждений (СПОУ). Но не меньшее значение имеет и качество преподавания.

³ 13 и 20 рождений в год на 1 тыс. населения, при средней по РФ рождаемости – 10 промилле..

Источник. Построено авторами на основе данных Росстата.

Примечание. В 2005/06 и 2010/11 гг. СПОУ даны, включая профтехучилища.

Рис. 1. Изменение численности учащихся на разных уровнях системы образования в период с 2000/01 по 2021/22 гг. в СФО, тыс. чел.

В сфере школьного образования основной сдерживающий фактор – значительная нехватка учителей [Абанкина и др., 2021] (не закрыты в среднем 5–7 вакансий на школу, что подтверждается также нашими недавними исследованиями системы образования). Нередко молодые учителя уходят из школ, пополняя категорию самозанятых, кто-то переходит в частные учебные заведения, занимается репетиторством, чтобы повысить доходы. По данным Министерства просвещения, в российских школах в настоящее время не заполнены 2% вакансий⁴ (около 22 тыс. учителей). Но если учитывать массовые переработки (1,5–2 и даже более ставок), не хватает гораздо больше. Так, по данным статистики, с 2005 по 2020 гг. численность учителей уменьшилась в 1,4 раза (с 1516,6 до 1087,3 тыс. человек)⁵. В последнее время в СМИ и соцсетях активно обсуждаются проблемы низкой зарплаты,

⁴ Бурдина А. Татьяна Голикова: отечественная система образования нуждается в квалифицированных педагогах // Учительская газета [Эл. ресурс]. URL: <https://ug.ru/tatyana-golikova-otechestvennaya-sistema-obrazovaniya-nuzhdaetsya-v-kvalificirovannyh-pedagogah/> (дата обращения: 02.04.2023).

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 304.

непомерной учебной и бюрократической нагрузки, возрастающих трудностей коммуникации между учителями и учениками, учителями и родителями.

Одна из причин дефицита учительских кадров состоит в низкой оплате их труда, большой часовой нагрузке и в несовершенстве механизмов «распределения» выпускников высших и средних профессиональных педагогических учебных заведений. По данным наших исследований, немалая часть их студентов, обучающихся за счет средств государственного бюджета, не планируют работать по специальности. Вторым фактором, расшатывающим отечественную систему образования, являются непрерывные реформы, результаты которых до сих пор недостаточно осмыслены, отмечаются их негативные последствия [Курбатова, 2023].

В ходе проведенного ИЭОПП СО РАН опроса родителей учеников⁶ удалось выявить их отношение к процессам, происходящим в системе школьного образования, и их оценки качества последнего. Родители высказались о сильных и слабых сторонах школы, где учится их ребёнок, о наиболее явных пробелах учебного процесса. Большинство респондентов (2/3) считают, что проводимые в стране образовательные реформы не приводят к улучшению качества образования. Более того, примерно половина из них (48,7%) сказали, что за последние 5–10 лет качество образования ухудшилось, и только 18% отметили его улучшение (рис. 2 и 3). В ходе исследования родители предъявляли запрос на повышение качества школьного образования и профессионализма учителей, на снижение формализма в учебном процессе и расширение направлений дополнительных занятий, развивающих интересы учащихся.

Подчеркнём, что во всех открытых вопросах, которые касаются слабых сторон школьного образования, родители называли неудовлетворённость работой учителей, нередко возлагая на них ответственность за недостатки учебного процесса (*«учителя слишком неопытны»*, *«возрастные, не владеют информационными технологиями в должной мере»*, *«не умеют нормально объяснить, закрепить материал»*), отмечая слабости воспитательного

⁶ Опрос родителей «Возможности развития личности школьников и их жизненные перспективы» проведен в Новосибирской области в 2018–2019 гг., N=505 человек, интервью с 12 педагогами – в 2022 г.

процесса: «учителя не могут найти взаимопонимание с ребёнком, аналогично – с родителями», «ни за что не отвечают», «не способны дать воспитание детям и поддержать дисциплину».

Рис. 2. Ответы родителей на вопрос: «Как вы считаете, в какую сторону изменилось качество школьного образования в Новосибирской области за последние пять-десять лет?», % к ответившим

Рис. 3. Ответы родителей на вопрос: «Как вы считаете, проводимые в стране образовательные реформы приводят к повышению качества школьного образования или нет?», % к ответившим

Учителя в свою очередь отмечают, что, помимо учебной, административной нагрузки, они ощущают растущее давление со стороны родителей (о чём сами родители, кстати, редко говорят). Результатами такого прессинга становятся профессиональное выгорание и депрессия, неудовлетворённость работой и заработной платой, некоторые из них в итоге уходят из школы. Неслучайно на государственном уровне было принято решение признать 2023 г. годом учителя и наставника, а также ввести в школьную программу дополнительную гуманитарную составляющую, чтобы вернуть в сферу образования функцию воспитания подрастающего поколения и ответственность за это.

Отметим ухудшение качества образования в период пандемии в связи с вынужденными периодами дистанционного преподавания, трудностями освоения цифровых методик, а также неустойчивостью интернет-связи в отдалённых регионах.

Недостаток стимулов для выстраивания эффективного трудового и миграционного поведения молодежи

С точки зрения эффективности использования ЧК очень важен тот этап жизненного цикла, на котором происходит выбор, освоение профессии и выход молодых людей на рынок

труда. Воспитание в семьях, в системе образования, ценности, транслируемые СМИ и массовой культурой, а также проводимая государством социально-экономическая политика должны быть настроены на согласование индивидуальных интересов и потребностей молодежи, а также на соответствие способов их достижения с приоритетными для общества целями и задачами. Оплата труда, другие материальные и нематериальные стимулы должны поощрять молодежь к приобретению глубоких знаний и разнообразных навыков, к подготовке себя для работы в цифровой экономике, на высокотехнологичных производствах. В России, как и во всем мире, не хватает высококвалифицированных профессионалов.

Здесь, на наш взгляд, отечественные общественные институты демонстрируют свою слабость, поскольку российская молодежь считает многие востребованные на рынке труда профессии (воспитатель и учитель, инженер, технолог, научный работник, работник на производстве и др.) непрестижными, неблагодарными и низкооплачиваемыми. Многие из этих профессий требуют значительных усилий для овладения ими, постоянного повышения квалификации, но эти усилия не приносят в России соответствующей экономической и социальной отдачи. Труд аналогичного характера в сложных природно-климатических условиях Сибири и северных регионов получает меньшую оценку, чем в столичных регионах, что подпитывает у молодых специалистов миграционные настроения.

О недостатке стимулов для выстраивания индивидуального поведения молодежи, адекватного запросам рынка труда и способствующего достижению национальных целей, свидетельствуют: 1) частичная утрата ценности профессионализма в сфере материального производства, а также 2) продолжающийся отток населения из северных и восточных регионов страны и концентрация его в регионах с наиболее благоприятными условиями жизни.

Главная проблема сферы труда в Сибири – низкая заработная плата. Высокий образовательный потенциал ряда сибирских регионов и деятельность по его наращиванию не гарантируют молодежи достойной экономической отдачи. Поэтому часть абитуриентов выбирает для поступления вузы в центральной части страны и уезжает туда не только на учебу, но и для дальнейшей

жизни [Логинов, Семионова, 2023]. Впрочем, выпускники имеющих в Сибири престижных университетов тоже нередко уезжают после окончания обучения, не находя здесь рабочих мест с достойной зарплатой. Так, в Тыве за последние 10 лет вдвое сократилась доля выпускников, планирующих жить и работать в республике [Ойдуп, 2022]. Повсеместно нуждаются в рабочей силе сфера торговли и услуг, малый бизнес, сектор ИТ, обрабатывающие производства, здравоохранение и школы.

Наши исследования выявили неэффективность работы институтов рынка труда. Во-первых, они не настроены на помощь школьникам в правильном выборе будущей профессии. Значимый фактор – фактическая ликвидация в постсоветский период допрофессионального обучения в старших классах школы. Профориентационная работа в школах во многом носит формальный характер и не способствует созданию у школьников правильных представлений о существующих профессиях. Искажает представления о ценности труда и профессии в глазах молодежи также то, что уровень оплаты труда зачастую не соответствует его сложности и требуемой квалификации.

Во-вторых, недооцененность профессиональных знаний и квалифицированного труда вынуждает студентов высших и профессиональных учебных заведений рассматривать выbranную профессию в первую очередь с точки зрения ее «пригодности» для будущего трудоустройства (размера потенциального заработка). За последние 10 лет ухудшилось соотношение между зарплатой работников Новосибирской области и величиной прожиточного минимума (рис. 4). В наибольшей степени снижение реальной оплаты труда коснулось специалистов высшей квалификации. Наоборот, у работников среднего уровня квалификации и неквалифицированных рабочих это соотношение улучшилось.

По данным наших мониторинговых опросов студенчества (волны 2001 и 2016 гг.), к концу обучения в вузе ценность получаемой профессии для большинства студентов заметно снижается. Менее половины опрошенных выпускников назвали получаемую профессию обязательным условием будущего трудоустройства. Особенно низок этот показатель у студентов, обучающихся на инженерно-технических, педагогических и сельскохозяйственных специальностях.

Источник. Расчеты авторов на основе данных официальной статистики. Труд и занятость в Новосибирской области в 2010–2015: стат. сб. / Территориальный орган ФСГС по Новосибирской области, Н. 2016. С. 83; Труд и занятость в Новосибирской области, 2019: Стат. сб. Новосибирск.2020. С. 91.

Рис. 4. Соотношение заработной платы и прожиточного минимума разных категорий работников в Новосибирской области в октября 2009 и 2019 гг., раз

Одно из объяснений такого положения дел состоит в том, что молодой инженер вряд ли сможет найти интересную, современную и хорошо оплачиваемую работу в среднем сибирском городе – привлекательные высокотехнологичные рабочие места, как правило, концентрируются в немногих экономически развитых центрах. Для наращивания промышленного производства в условиях жестких западных санкций потребуются создание в России новых технологических платформ, индустриальных парков для небольших и средних современных высокотехнологичных производств. И в плане сохранения человеческого потенциала страны особенно важно, чтобы новые рабочие места появлялись в сибирских регионах.

Другая распространенная причина снижения интереса к полученной специальности состоит в том, что за годы учебы студенты убеждаются в низкой оплате труда по выбранной профессии, слабой заинтересованности работодателей в трудоустройстве выпускников без опыта работы. Поэтому часть получившей профессиональную подготовку молодежи, изучив предлагаемые зарплаты, делает выбор в пользу тех мест, где не требуются полученные в вузе или колледже навыки.

Данные социологического опроса жителей Новосибирской области⁷ свидетельствуют о том, что:

- многие граждане не работают по полученной специальности (46% опрошенных);
- не используют в работе полученные знания (35%).

При этом 45% респондентов сомневаются, что удастся окупить свое платное образование за счет получаемой заработной платы. И прискорбно мало тех, чьи вложения в развитие своих профессиональных навыков оправдываются. О получении после прохождения курсов дополнительного образования более высокой заработной платы заявили 6% опрошенных, о последовавшем карьерном росте – 5%.

Риски и потери человеческого капитала, связанные с отказом или утратой приобретенной профессии и времени (а зачастую и денег), потраченных на обучение – это не просто личное дело каждого, хотя многие исследователи отмечают ценность стабильного владения профессией и профессиональным статусом. Так, В. Кузокреа считает, что «в условиях “текучей современности” профессии становятся бесценным ресурсом, позволяющим не утонуть в быстрых водах гибкого рынка труда» [Кузокреа, 2014. С. 124].

Такого рода индивидуальные стратегии выпускников могут создавать значительные риски для региональной экономики. Так, не растет доля молодых специалистов, желающих работать в науке и на инновационных производствах. Более 20% студентов, опрошенных нами в 2016 г., в качестве предпочитаемого места работы указали сферу услуг для населения (прежде всего, ту, где оплата непосредственно поступает от клиента). Такому выбору способствует и государственная политика развития самозанятости. Сфера услуг привлекает определенную часть молодежи прямой зависимостью доходов от затраченных усилий, однако она предъявляет спрос главным образом на низкоквалифицированных работников.

В целом же отказ от профессии таит в себе большие риски с точки зрения падения уровня профессионализма и ухудшения

⁷ Опрос взрослого населения Новосибирской области «Человеческий потенциал и социальное самочувствие населения» (ЧПиСС) проведен ИЭОПП СО РАН в 2019–2020 гг., опрошено 1264 человека в возрасте 18–45 лет в городской и сельской местности.

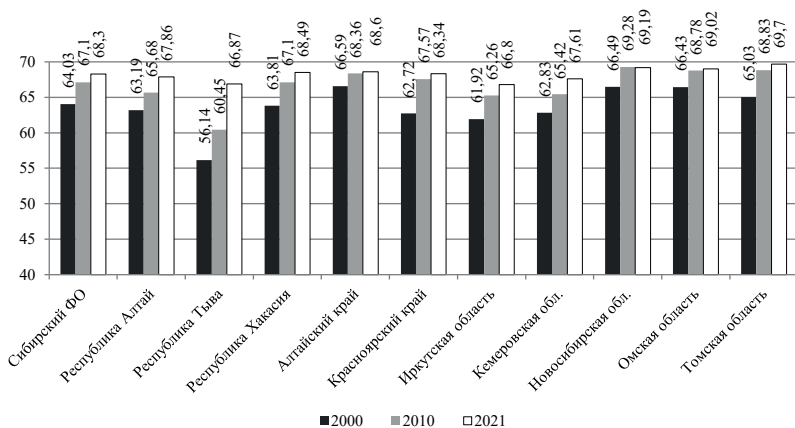
качества кадрового состава отечественной экономики, что может стать (или уже стало) существенным барьером для реализации национальных проектов и внедрения технико-технологических инноваций. Совокупность даже удачных, с точки зрения оплаты труда, индивидуальных профессиональных стратегий не превращается автоматически в эффективную стратегию развития общества и может противоречить задачам развития страны.

Другие угрозы, как, например, рост уровня безработицы, на наш взгляд, для Сибири в перспективе больших рисков не содержат.

Риски ухудшения здоровья и медленного роста продолжительности жизни

Они выходят на первый план на этапе активной трудовой деятельности граждан. С 2000 по 2010 г. значительный рост средней ожидаемой продолжительности жизни и зарплат служили драйверами роста человеческого потенциала России и регионов СФО. В то же время старение населения выступало тормозящим фактором, действие которого продолжается и сейчас [Капелюшников, 2012]. Пенсионная реформа, повысившая возраст выхода на пенсию на пять лет, позволила увеличить период трудовой деятельности работников. Это привело к росту суммарного человеческого потенциала страны и отчасти компенсировало влияние старения населения. Однако в Сибири в полной мере реализовать эти эффекты не позволяют сравнительно низкая продолжительность жизни (ниже, чем в европейской части страны) и то обстоятельство, что рынок труда фактически «закрит» для возрастных работников.

В 2000–2020 гг. наиболее стремительный рост продолжительности жизни (на 5–10 лет) продемонстрировали три национальные республики, Иркутская и Кемеровская области, то есть регионы с низкими начальными показателями (рис. 5). Основной прирост пришелся на период 2001–2010 гг. Дальнейший рост был приостановлен пандемией COVID-19: из-за высокой смертности среди пожилых людей ожидаемая продолжительность жизни практически не увеличилась в тех регионах, где достигла 69 лет.

Источник. Данные официальной статистики, Росстат.

Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни населения сибирских регионов, 2000–2021 гг., лет

Гораздо хуже обстоят дела с ожидаемой продолжительностью *здоровой* жизни. Она в СФО и ранее была самой низкой из федеральных округов, а в 2020 г. снизилась еще сильнее – до 56,8 лет (в 2019 г. было 58,6). Критически низких значений этот показатель достиг в республиках Алтай и Тыва (50 и 50,5 лет), за год потери составили 6–7 лет⁸. В крупных городах и инновационно ориентированных регионах, таких как Новосибирская область и Красноярский край, продолжительность здоровой жизни снизилась меньше – примерно на три года, до 56 лет.

Как и для большинства россиян, для сибиряков возможности поддерживать своё здоровье оказались в числе самых проблемных сторон жизни наряду с повышением уровня материального достатка и возможностью получения качественного образования.

Лишь 17% респондентов, участвовавших в нашем исследовании⁹, оценили своё здоровье как хорошее, 67% – нормальное и 16% – слабое и очень слабое. Оценки здоровья у молодежи

⁸ Данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/inf-pok2-9.htm> (дата обращения: 18.02.2023).

⁹ Опрос взрослого населения Новосибирской области «Человеческий потенциал и социальное самочувствие населения».

и жителей городской агломерации были несколько выше, чем в сельской местности. Несмотря на разнообразие доступных способов поддержания здоровья у жителей Новосибирской области, нельзя сказать, что многие делают это регулярно (рис. 6).

Источник. Расчеты авторов на основе данных опроса населения (ЧПиСС).

Рис. 6. Меры, предпринимаемые населением Новосибирской области, для сохранения и поддержания здоровья, % к ответившим

Только каждый пятый опрошенный ответил, что не замечал ничего такого, что оказывало бы плохое влияние на его здоровье. В качестве факторов, отрицательно влияющих на здоровье, респонденты отмечали, независимо от места проживания и возраста, плохую доступность медицинской помощи (27%) и большую нагрузку на работе (25%). Малоподвижный образ жизни (24%) и несбалансированное питание (21%) чаще отмечают молодые жители городской агломерации, их это беспокоит. Но вредные привычки и избыточный вес редко кто рассматривает как фактор риска для своего здоровья (10 и 8% соответственно). Хотя большинство респондентов напрямую не связывали состояние своего здоровья с уровнем материальной обеспеченности, всё же 18% отметили отсутствие материальных средств для того, чтобы подлечиться.

Проблемы со здоровьем увеличивают вероятность снижения продолжительности здоровой жизни, усугубляя риски, связанные с пандемией COVID-19 и снижением уровня реальных доходов. Этот же фактор усиливает неравенство между людьми разного статуса, поскольку качество медицинского обслуживания, как

и качество питания и полноценного отдыха, во многом зависят от материальных возможностей.

Рост заболеваемости и смертность из-за пандемии стали главным фактором, затормозившим рост продолжительности жизни, и тем самым – снизившим человеческий капитал России в целом и Сибири в частности, особенно в возрасте старше 60 лет. Дополнительные риски в период пандемии создаются, с одной стороны, поведением людей, не придерживающихся здорового образа жизни, избегающих вакцинации, а, с другой – отстающим от запросов общества состоянием медицины и доступности лекарственных средств и медицинских услуг.

Выводы

На наш взгляд, риски снижения человеческого капитала в России сосредоточены главным образом в сфере образования, на рынке труда, в сохранении здоровья и в демографических тенденциях. Для вынашивания, рождения и воспитания детей дошкольного возраста в основном созданы достойные условия, и в этой части нет негативных ожиданий на будущее, кроме малодетности семей.

Сокращение молодежной когорты может ограничить приток национальной рабочей силы. А перераспределение ее внутри страны происходит в пользу регионов с лучшими условиями в юго-западной и центральной частях страны. Из многих северных и сибирских регионов трудоспособное население и молодежь уезжают. Неравенство в доходах и условиях жизни закрепляется, и риск снижения ЧК усиливается.

Многочисленные реформы в социальной сфере, и прежде всего, в сфере образования не только не достигают декларированного эффекта, но и способствуют появлению новых проблем. В этих условиях население выстраивает индивидуальные стратегии формирования человеческого потенциала и наращивания человеческого капитала. Реализуемая в экономике социально-экономическая модель дает при этом четкий ориентир – материальное благополучие. Именно он формирует действия индивидуумов как в сфере образования, так и на рынке труда.

Рост профессионализма в сфере занятости, социальные лифты, развитие высокотехнологичных сегментов экономики – основные атрибуты продекларированных национальных проектов

страны – испытывают значительные риски в контексте их реализации: для этого в стране просто не хватает квалифицированных кадров. При этом в Сибири риски снижения человеческого капитала проявляются особенно ярко.

Литература

Абанкина И. В., Деркачев П. В., Зиньковский К. В., Кравченко И. А., Суркова Н. Е. Оплата труда педагогов: как изменить ситуацию к лучшему? / Под ред. А. А. Вавиловой. М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/482933839.pdf> (дата обращения: 22.12.21).

Аганбегян А. Г. Три главных социально-экономических вызова, стоящих перед Россией, и 15 ответных шагов // Экономическая стратегия. 2022. № 6. С. 6–15.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 81.

Глуценко К. П. Где на Руси жить хорошо? // ЭКО. 2022. № 6. С. 168–177. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-168-177

Елфимов Д. И. Становление и развитие дефиниции риска // "Черные дыры" в российском законодательстве. М.: ООО «К-Пресс», 2010. № 5. С. 55–57.

Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06 [Текст] / Р. И. Капелюшников; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 76 с.

Кузокреа В. Выход на профессиональную арену в Италии и Англии // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2014. 148 с.

Курбатова М. В. Управление по результатам в российском образовании: проблемы нормативного регулирования // ЭКО. 2023. № 3. С. 8–26. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26

Логинов Д. М., Семюнова Е. А. Миграционные ориентации старших школьников при переходе к получению профессионального образования // ЭКО. 2023. № 3. С. 158–176. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-158-176

Ойдуп Т. Человеческий капитал Республики Тыва: будущие специалисты высшей и средней квалификации // ЭКО. 2022. № 11. С. 23–39. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-23-39

Рыбакова М. В. Социальные риски как показатель развития социального государства на Евразийском пространстве // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. ИНИОН РАН, М., 2018. № 1. Ч. 2. С. 186–189.

Слепенкова Ю. М. Процесс обесценивания человеческого капитала в России // ЭКО. 2022. № 11. С. 8–22. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-8-22

Слуцкий Е. Г. Дисбалансы в обществе риска. Российская наука: тенденции и перспективы // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2002. № 21. С. 42.

Corral P., Gatti R. "Accumulation Interrupted: COVID-19 and Human Capital among the Young." // COVID-19 in Developing Economies / edited by S. Djankov and U. Panizza. London: Centre for Economic Policy Research. 2020.

Ord T. The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity. Abingdon, UK: Bloomsbury. 2020. 481 p.

UNDP (United Nations Development Programme). Human Development Report 2020: The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. New York. 2020. 412 p. ISBN: 978-9-21-126442-5. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/rs/hdr2020.pdf> (accessed: 03.12.2022).

UNDP. Доклад о человеческом развитии 2021/2022. Времена неопределенности, неустроенные жизни: наше будущее в меняющемся мире. New York. 2022. 320 с. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22rupdf.pdf> (accessed: 03.02.2023).

World bank. (2020). The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. DOI: 10.1596/978-1-4648-1552-2 URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (accessed 03.05.2022).

Статья поступила 17.03.2023

Статья принята к публикации 28.03.2023

Для цитирования: *Гвоздева Г.П., Арсентьева Н.М., Харченко И.И.* Риски снижения человеческого потенциала сибирских регионов // ЭКО. 2023. № 5. С. 129-150. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-5-129-150

Информация об авторах

Гвоздева Галина Петровна (Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.

E-mail: gvozdeva@ieie.nsc.ru; ORCID: 0009-0001-3019-3232

Арсентьева Нина Михайловна (Новосибирск) – Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

E-mail: ars@ieie.nsc.ru

Харченко Ирина Игоревна (Новосибирск) – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

E-mail: kharchen@ieie.nsc.ru; ORCID:0000-0001-5348-0587

Summary

G.P. Gvozdeva, N.M. Arsenyeva, I.I. Kharchenko

Risks of a Diminished Human Development in Siberian Regions

Abstract. The analysis of statistical information and the results of sociological surveys of the population lead to the conclusion that the human development of Siberian regions has been decreasing over the last decade. Risks are associated with: low incomes and small families, population decline and shortage of personnel, weak motivation to work in the specialty (profession) received a diploma, reduction in the duration of a healthy life. In this situation, the all-Russian vector of migration from east to west and from north to south persists. The main sources of risks are inefficiency of regional management and the contrast between the growth of gross regional product and the decline in real incomes of the population. They can be reduced by measures to attract investment in fixed and human capital, in the development of knowledge-intensive economy, increasing the wages of skilled

workers. Institutional changes in the labor market are required to strengthen the motivation of young people for engineering professions and highly skilled labor.

Keywords: *human development; human capital; social risks; life cycle stages; activity motivation; Siberia*

References

Abankina, I.V., Derkachev, P.V., Zin'kovskiy, K.V., Kravchenko, I.A., Surkova, N. E. (2021). *Salaries for teachers: how to change the situation for the better?* Edited by Vavilova, A.A. Moscow: NRU HSE. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2022-4-8-32

Aganbegyan, A.G. (2022). Three main socio-economic challenges facing Russia and 15 retaliatory steps. In *Ehkonomicheskaya strategiya*. 2022. No. 6. Pp. 6–15. (In Russ.).

Beck, U. (2000). *Risk society. On the way to another modernity*. Moscow: Progress Tradition. 81 p. (In Russ.).

Elfimov, D.I. (2010). Formation and development of risk definition. «Black holes» in the Russian legislation. No. 5. Pp. 55–57. (In Russ.).

Corral, P., Gatti, R. (2020). “Accumulation Interrupted: COVID-19 and Human Capital among the Young.” In *COVID-19 in Developing Economies* edited by S. Djankov and U. Panizza. London: Centre for Economic Policy Research.

Glushchenko, K.P. (2022). Where is it good to live in Rus'? *ECO*. No. 6. Pp. 168–177. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-6-168-177

Kapeliushnikov, R. (2012). *Russia's human capital: what is its value?* Working paper WP3/2012/06 [Text] / R. Kapeliushnikov; National Research University “Higher School of Economics”. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 76 p. (In Russ.). Available at: https://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084655/WP3_2012_06_f.pdf

Kuzokrea, V. (2014). Entry into the professional arena in Italy and England. *Anthropology of professions: the boundaries of employment in an era of instability* Edited by Romanov, P. Yarskaya-Smirnova, E. Moscow: Publ. Variant LLC, TsSPGI. 148 c. (In Russ.).

Kurbatova, M.V. (2023). Management by Results in Russian Education: Problems of Normative Regulation. *ECO*. No. 3. Pp. 8–26. (In Russ.) / DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-8-26

Loginov, D.M., Semionova, E.A. (2023). Migration orientations of older schoolchildren during the transition to vocational education. *ECO*. No. 3. Pp.158–176. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-158-176

Oidup, T. (2022). Human capital of the Tyva Republic: future specialists of higher and secondary qualifications. *ECO*. No. 11. Pp. 23–39. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-23-39

Ord, T. (2020). *The Precipice: Existential Risk and the Future of Humanity*. Abingdon, UK: Bloomsbury. 481 p.

Rybakova, M.V. (2018). Social risks as an indicator of the development of a social state in the Eurasian space. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation*. No. 1(2). Pp. 186–189. (In Russ.).

Slepenkova, Yu.M. (2022). The process of depreciation of human capital in Russia. *ECO*. No. 11. Pp. 8–22. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-11-8-22.

Slutskiy, E.G. (2002). Imbalances in the risk society. Russian science: trends and prospects. *Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation*. No. 21. P. 42. (In Russ.)

UNDP (United Nations Development Programme). (2020). Human Development Report 2020: The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. New York. 412 p. ISBN: 978-9-21-126442-5. Available at: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/rs/hdr2020.pdf>. (accessed 07.04.2021).

UNDP. (2022). Human Development Report 2021/2022. Uncertain times, unsettled lives Shaping our future in a transforming world. New York. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22rupdf.pdf> (accessed 03.02.2023).

World bank. (2020). The Human Capital Index 2020 Update: Human Capital in the Time of COVID-19. DOI: 10.1596/978-1-4648-1552-2. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34432> (accessed 08.05.2021).

For citation: Gvozdeva, G.P., Arsenyeva, N.M., Kharchenko, I.I. (2023). Risks of a Diminished Human Development in Siberian Regions. *ECO*. No. 5. Pp. 129-150. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-5-129-150

Information about the authors

Gvozdeva, Galina Petrovna (Novosibirsk) – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Associate Professor, Novosibirsk State University.

E-mail: gvozdeva@ieie.nsc.ru; ORCID: 0009-0001-3019-3232

Arsenyeva, Nina Mihailovna (Novosibirsk) – researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.

E-mail: ars@ieie.nsc.ru

Kharchenko, Irina Igorevna (Novosibirsk) – Candidate of Sociology Sciences, leading researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS.

E-mail: kharchen@ieie.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-5348-0587